

Бескрайняя необходимость Дача — обязанность, имение — свобода

Демьян Кудрявцев |

МОЙ сосед Руперт, начальник одного из департаментов одного из заводов, собирающих в России машины из западных запчастей, недавно купил себе сотню гектаров холмов и рощ между Москвой и Калугой и, найдя у себя в архиве план особняка, так и не выстроенного дедушкой в Девоншире, ходит по месту будущего паркета в резиновых сапогах. У него есть чудесная «триошка» в тихом Замоскворечье и калужские просторы, где в бывшем колхозном сарае он прячет новенькие снегоход и надувную резиновую лодку. Когда жизнь случайно забрасывает его на чиновничью Рублевку или на лоскутное одеяло академической Ярославки, он сдерживает себя и дежурная лондонская улыбка снова прояв-

чувство хозяина, даже близко не похожее на нервную озабоченность акционеров заводов, владельцев скважин и торговых сетей. Это собственность, не приносящая прибыли, но и не требующая покрытия больших убытков, собственность, живущая в ритме твоих желаний, собственная свобода. Место, где не слышно соседей и нет машин, где вечером нечего делать, и поэтому ты встаешь засветло, где ты можешь ходить в халате и резиновых сапогах, а можешь опробовать светлую пару верховых Holland & Holland, но главное — это место, которое меняется твоей заботой и волей, своя земля, имение, а не дача.

О правдивый и точный, и этого достаточно, язык, в котором эти два слова включают в

ларов в год. Больше 200 поселков со своими больницами, школами, банками, магазинами, рынками, ярмарками тщеславия архитекторов, рестораторов, промоутеров и жен, истинное царство русских домохозяек со своими книгами, со своим кино, с загородными версиями World Class, ЦУМа, «Глобуса» и катка. И по прошествии десяти лет действительно оказалось, что, несмотря на разницу в доходах и должностях, воображение современников, загнанное в разверстку коттеджных поселков классов от «эконом» до «люкс», искверканное терминологией галантерейщиков и сейлзов, способно создать исключительно похожие друг на друга стойбища вместо пастбищ, и если декоративные плитки на разных трассах отличаются друг от друга только сроками поставок и, ну хорошо, ценой, то зачем ради этого три часа в день стоять в пробке, уже сложно кому-нибудь объяснить. Дорого, тесно и как у всех — элитная недвижимость Подмосковья.

Свободы тоже как-то поубавилось. Дети несколько подросли. Первые уже не очень новые русские, вылетевшие из гнездовий, заводили себе еще не поместья — виллы. Испания, Прованс, Суррей и Швейцарские Альпы продавали русскую независимость не только политэмигрантам, но и правящему классу, обещая сохранность собственности, просторы, порядок, климат и близость хороших школ. Семейные ценности и тут преследовали российского предпринимателя и чиновника, чужие традиции ложились поверх колючим удушливым одеялом. Белая бухгалтерия, архитектурный надзор, климат, бессмысленный кроме лета, все обернулось не той игрушкой, радости — никакой. Не деньги, но нервы съедали чужая речь, юристы, пограничники, перелеты, невозможность остаться самим собой. И вот тогда наступила пора угодий, владений, имений, поместий и хуторов.

В ближайшие годы, я убежден, это будет очень «горячей темой». Никуда не денутся семейные дачи, как те не отменили наконец-то благоустроенных, с подземными парковками городских квартир. Но разнообразие вариантов, от возрождения старых усадеб до объединения колхозных земель под современной архитектурой, широкий выбор простых страстей — от фермерства до охоты, не исключая и соколиной, русская, преобразующая пространство речь, с ее хаосом и азартом, холод, родина, алкоголь — вместо «элитного загородного эксклюзива», это наконец вернулось, это неистребимо, это понятно даже моему соседу-англичанину, это огромная пустая мужская страна, на которую никогда не хватит мусора, уродства, пробок, только то, что вы не справитесь испортить, только оно и сможет вас сохранить.

Вечные правила

ИМЕНИЕ — ЭТО НЕ ПРОСТО МЕСТО, которым владеешь, это процесс, в нем есть и неспешность времени, и радость соития, и гордость имени, и полная собственность — наследие или покупка

ляется на его успевшем обрусеть лице. Для узкого круга у Руперта есть объяснение, не лишнее специфического экспатвского опыта и чувства языка: «Шестисотка дача — как „Мерседес“. Дорого, тесно и как у всех». Шестью сотками он называет все, что меньше десяти гектаров.

Другой мой знакомый, адвокат, уже десять лет осваивает имение под Полтавой, куда доезжает часов за десять с егерем за рулем. Там он — царица полей. Старый купеческий дом, пережив без ремонта четыре власти, признал москвича своим хозяином, и тот довел его практически до дворянского вида: по-старому скрипит всеми шестью дверями спален, но вместо затхло-сти старых конторских книг пахнет теперь соленьями, пирогами, настойками, сворой прекрасных псов, которые пролетают его насквозь и несутся до самого края поля, где член Московской коллегии адвокатов разводит вместо клиентов скот, и получается очень вкусно. Крестьяне то с вежливой, то с визгливой, то есть с по-настоящему южной, речью продолжают кормить «дом» и кормиться «с дому», иногда называя его по старому — комендатура и сельсовет.

Та домашняя уверенная деловитость, которая просыпается в этих моих приятелях, — это собственничество. Настоящее

себя все оттенки разницы между ними. Имение — это не просто место, которым владеешь, это процесс, в нем есть и неспешность времени, и радость соития, и гордость имени, и полная собственность — наследие или покупка. А дача... В ней до сих пор запашок номенклатурно-царского плеча, прямоугольная пролежень от погон, неизбежность взяток и показаний. Нет, дача не умрет, но, связанная пробками, обвешанная ценами, она все больше впитывает в себя обязанности и несвободу. Как говорит другой мой друг, вернувшийся в город после десятилетия Новой Риги, «дача — детям».

Тогда, на пике ельцинского счастья, когда свободу ложками разливали с колес, Москва ничего не могла предложить уже обеспеченному человеку. Еще в лесах стояли и «золотая миля» с бульварами, и набережные реки. В старых домах расселение перемешивалось с ремонтом, превращая двор в круговорот въезжающего и выезжающего старья, улицы обрастали ракушками, словно дно медленно разворачивающегося корабля. И все уехали на дачи. Рост ничем не сдерживаемой пригородной инфраструктуры потрясал риэлторов и финансистов. За десять лет был создан рынок на 50 тысяч семей с диапазоном дохода от 100 тысяч до стольких же миллионов дол-